

ЕЛЕНА КОЛЫБЕНКО

Университет Григория Сковороды, Переяслав, Украина

ORCID: 0000-0002-4009-5417

АЛЕКСАНДР КОЛЫБЕНКО

Национальный историко-этнографический

заповедник «Переяслав», Переяслав, Украина

ORCID: 0000-0001-8616-9074

«Ратиборова чадь» Владимира Мономаха: формирование ближайшего окружения переяславского князя

Боярская прослойка Переяславля Русьского представлена в источниках компактной группой имен, в подавляющем большинстве своем крепко запечатленных в нашей истории. Известные из летописей и других источников переяславские бояре Ратибор, Оргость, Станислав, Ольбег и Фома Ратиборичи, Дмитрий Иворович не просто исполняли какие-то служебные функции у определенных переяславских князей, – они были активными действующими лицами истории Украины эпохи Средневековья, оставив в ней свой яркий и неизгладимый след¹.

Неудивительно, что из всех многочисленных переяславских бояр, состоявших на службе у 23-х князей Переяславля Русьского, больше всего информации в источниках сохранилось о боярах Владимира Всеволодича Мономаха. Возможно, частично это связано с его личным участием или участием его старшего сына Мстислава

¹ U. Halbach, *Der russische Fürstenhof vor dem 16 Jahrhundert. Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der Alten Rus'*, Stuttgart 1985, s. 69, 103, 162; В.О. Колибенко, *Боярство Переяславля Русьского на службі у переяславських князів*, в: *Наукові записки з української історії*, ред. В.П. Коцур, вип. 43, Переяслав-Хмельницький 2018, с. 30; V. Nagimyy, *Urządnicy ziemi kijowskiej od drugiej połowy XI do pierwszej połowy XIII wieku. Studium prozopograficzne*, Kraków 2021, с. 97–107.

Владимировича в редактировании летописи². Ближайшее окружение Владимира Мономаха состояло из бояр, имевших зачастую разное этническое происхождение, разный возраст и судьбу, но прошедших приблизительно одинаковую «школу». В чем не приходится сомневаться, так это в их высоком профессионализме, отточенном годами службы у одного из активнейших князей Руси. По нашим приблизительным подсчетам, осуществленным на основе данных летописи и «Поучения» Владимира Мономаха, на протяжении активного периода своей жизни (осень 1068 г. – май 1125 г.) Владимир Мономах прошел, проехал и проплыл значительное даже по нынешним меркам расстояние – свыше 80 тысяч километров, истратив на это путешествие длиной в жизнь 58 лет, 8 месяцев и 4 дня. Таким образом, в среднем он ежегодно преодолевал приблизительно 1400 километров пути³. Вместе с ним, а иногда, – и вместо него, в путь отправлялись и его ближайшие помощники.

В свое первое самостоятельное (без отца) путешествие 14-летний княжич отправился через полную опасностей землю вятичей на свое первое княжение – в неблизкий от Переяславля Русьского Ростов (около 1 тыс. 460 километров)⁴. Об этом он горделиво упомянул в конце жизни в «Поучении». Очевидно, его сопровождал названный уже в следующих строках «Поучения» воевода Ставк Гордятич, вместе с которым Мономах перешел из Ростова к Смоленску:

первое к Ростову идохъ сквозъ Вятичь . посла ма шць . а самъ иде Курьску . и пакы . в̄ . є к Смолиньску . со Ставкомъ Скордтичемъ⁵.

Этому опытному боярину, находившемуся на службе у Всеволода Ярославича, последний доверил своего сына и поручил помогать ему во всех военно-административных делах. Поскольку Владимир Мономах в своем «Поучении» больше не упоминает по

² П.П. Толочко, *Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст.*, Київ 2005, с. 106.

³ О. Колибенко, Ол. Колибенко, *Peperit – vitae – mortem: час та простір переяславського князя, в: Простір в історичних дослідженнях*, упоряд. С.М. Вовкодав, вип. 1, Переяслав 2020, с. 52.

⁴ *Ibidem*, с. 46.

⁵ *Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей, т. 1)*, ред. Е.Ф. Карский, 2-е изд., Москва 2001, стб. 247.

имени ни одного боярина, то, очевидно, что Ставр Гордятич был его первым наставником из числа бояр.

Исследователь граффити Софии Киевской С.А. Высоцкий отождествлял Ставра Городятинича – боярина, упоминаемого Новгородской летописью под 1118 г., с былинным героем Ставром Городиновичем и со Ставком Гордятичем «Поучения» Мономаха. Также он считал, что данный боярин оставил память о себе еще и в виде двух автографов в центральном нефе Софийского собора в Киеве, на втором от алтаря южном крещатом столбе. Первый из автографов в 5 коротких строк начерчен им по фреске с изображением св. Николая, на высоте 1,1 метра от уровня пола XI в.: «Писал Ставр Городятинич». Второй автограф имеет вид краткой записи, с просьбой о божьей помощи: «Господи, помози рабу своему Ставрови, недостойному рабу твоему». На основании изучения этих граффити С.А. Высоцкий сделал вывод:

Вполне вероятно, что в «Поучении» Владимира Мономаха, Новгородской летописи, древнерусских былинах и, наконец, в двух граффити Софийского собора имеется в виду одно и то же историческое лицо – Ставр Городятинич, время упоминания которого как в летописи 1118 г., так и в «Поучении» (1069–1070 гг.) подтверждается палеографической датировкой рассмотренных записей⁶.

Наиболее известным по источникам и, очевидно, наиболее авторитетным из числа переяславских бояр всего древнерусского периода был боярин со звучным, воинственным и подчеркнуто славянским именем Ратибор. Уникальность этого человека состоит не только в том, что его деятельность достаточно широко освещена в летописных и агиографических источниках, но она также четко прослеживается по памятникам сфрагистики. Общепринятым считается мнение, что в последней четверти XI – первой четверти XII вв. (то есть на протяжении около сорока лет) этот неординарный человек, возможно, был единственным (или одним из немногих)

⁶ С.А. Высоцкий, *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.*, вып. 1, Киев 1966, с. 56–58.

на всю Русь боярином, владевшим уникальной печатью с оригинальной русьской надписью «ОТЪ РАТНБОРА».

Известный исследователь древнерусской сфрагистики В. Л. Янин по этому поводу отмечал:

Среди русских печатей древнейшей поры небольшую и весьма своеобразную группу составляют свинцовые буллы с погрудным изображением на одной стороне св. Климента папы римского и надписью «От Ратибора» на обороте. [...] Такая надпись кажется наиболее уместной при письменном распоряжении, письме, донесении и т.п., но не при акте. Это как бы ярлык с обратным адресом, некое подобие исключительно поздней печати частной переписки, а сама формула «От Ратибора» может служить указанием на то, что Ратибор пользовался своими буллотириями при запечатывании корреспонденции⁷.

Названный исследователь в своих работах о печатях Ратибора подчеркивал, что в XI–XII вв. на Руси кроме Ратибора ни один из представителей боярского сословия не пользовался таким важным средневековым атрибутом власти как собственная печать. То есть, на протяжении этого времени, кроме него, на Руси не было ни одного наместника, посадника, воеводы или тысяцкого, от которого осталась бы собственная печать. Однако, в отличие от княжеских или митрополичьих печатей, печати Ратибора предназначались не для утверждения актов, а только для подвешивания к его письмам, для подтверждения их авторства. Отсюда и уникальность легенды на его печатях («ОТЪ РАТНБОРА»), которая действительно указывает, от кого прислано письмо. Но есть вопрос: какова причина этого неоднократно подчеркнутого исследователями исключительного положения Ратибора? Почему из всех бояр Руси только он имел право на собственную боярскую печать? Кто и за что дал ему такую привилегию? Для этого, очевидно, следует более

⁷ В.Л. Янин, *О печатях Ратибора*, «Советская археология», № 2, Москва 1960, с. 271–272; idem, *Актовые печати Древней Руси*, т. 1, Москва 1970, с. 60–61.

тщательно рассмотреть всю имеющуюся в источниках информацию об этой исторической личности.

Впервые мы встречаем этого человека не на страницах летописей, а в агиографическом источнике – «Житии Феодосия Печерского», где Ратибор упомянут под его крестильным именем – Климент, известным нам по печатям. Ему посвящен значительный фрагмент «Жития», анализ которого позволяет сделать такие выводы: боярин князя Изяслава Ярославича Климент, выступая в поход против вражеской рати, уже приготовившейся к бою, мысленно пообещал пожертвовать церкви Святой Богородицы в Печерский монастырь две гривны золота и оковать оклад на иконе Святой Богородицы, если вернется домой невредимым. Но после удачного завершения битвы, в которой много людей погибло, этот боярин забыл о своем обещании. Через несколько дней, когда он спал дома, он услышал страшный возглас, обратившийся к нему по имени: «Климент!». Проснувшись, он увидел монастырскую икону Богородицы, которая приказала ему немедленно исполнить обещанное. Через некоторое время тот же боярин решил подарить монастырю Евангелие и, придя к Феодосию, спрятал его за пазухой. После молитвы, когда они хотели сесть, Феодосий сказал ему, чтобы он сначала достал из-за пазухи Евангелие, которое принес в подарок, а уже потом они сядут. Услышав это боярин ужаснулся прозорливости преподобного Феодосия, поскольку никому не говорил о своем намерении. Он отдал Евангелие и с того времени часто приходил к Феодосию и большую пользу получал от бесед с ним⁸.

В.Л. Янин датировал события, описанные в данном фрагменте «Жития», временем до 1078 г., то есть, вплоть до года смерти упомянутого князя-сюзерена Изяслава Ярославича⁹. Уже в 1079 г. летопись называет Ратибора посадником нового великого киевского князя Всеволода Ярославича в далекой от Киева, но важной в плане отношений с Византией, Тмутаракани:

⁸ *Успенский сборник XII–XIII вв.*, издание подготовили О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон, Москва 1971, с. 105–106.

⁹ В.Л. Янин, *Актовые печати...*, с. 274.

Всеволодъ же посади посадни^к. Ратибора . Тмутороканю¹⁰.

18 мая 1081 г. князья-изгои Давид Игоревич и Володарь Ростиславич, придя в Тмутаракань, овладели городом и захватили в плен Ратибора:

Бъжа Игореви^и Дѣдъ с Володаремъ Ростиславличем^и. мѣа масе . въ . ий . днѣ . и придоста Тмутороканю . и аста Ратибора и съдоста Тмутороканю¹¹.

Следующее упоминание Ратибора в летописи связано уже с Переяславлем Русьским (1096 г.):

... в се же лѣто приидоша Половци . Итларь Китанъ . к Володимеру на миръ . и приде Итларь оу городъ Переяславль . а Китанъ ста межи валомъ с вои . и вда Володимеръ снѣ своего Стѣслава Китанови оу таль . а Итларь бы^е въ градъ с лучшею дружиною . в се же верема пришесть Славта ѿ Киева ѿ Стѣполка к Володимеру на нѣкое врудѣ . и начаша думати дружина . Ратиборова чадь . съ кнземъ Володимеромъ . и погубленъ Итларевы чади . Володимеру же не хоташю сего створити . глѣцю ему . како могу се азъ створити . ротъ с ними ходивъ . ѿвѣщавше же дружина рекоша Володимеру . княже нѣ^е ти в томъ грѣха . привель ти гъ Бѣ в руцѣ твои . чему внѣ к тобѣ всегда ротъ ходице губѣть землю Рускую . и кровь хрестъаеньску проливають беспрестани . и послуша ихъ Володимеръ . в ту ноцъ посла Володимеръ Славту . с нѣколкомъ дружиною . и с Торыкы межи вала . выкрадше первою Стѣслава . и потомъ оубиша Китана и дружину его . всю избиша вечеру суцю тогда суботному . а Итлареви в ту ноцъ лежащу на синици оу Ратибора . и не въдуцу ему что са надъ Китаномъ створи в ту ноцъ наоутрѣе же в недѣлю в завѣтренъ суци години . пристрои же Ратиборъ втроки в оружьи . и ѣзбу пристави имъ затопити . и присла Володимеръ втрока своего Блѣдюка по Итлареву чадь . и

¹⁰ *Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей, т. 2), ред. А.А. Шахматов, 2-е изд., Москва 2001, стб. 196.*

¹¹ *Ibidem, стб. 196.*

ре^ч Блѣдукъ ко Ит^чаревѣ зоветь въ князь Володимерь . рекль тако вбувшесѣ в теплѣи избѣтъ . ꙗ завѣтрокавише в Ратибора приидѣте же ко мнѣ . ꙗ ре^ч Итларь тако буди и ако влѣзоша во истѣбу и запроша а . и вои злѣзъше на изѣдбу . и прокопаша истѣбу . и тако Ельбѣхъ Ратиборечь . вземъ лукъ свои . и наложивъ стрѣлу . вдарѣ Итларѣ подъ срѣце и дружину его . всю прострѣлаша . и тако злѣ . испроверже животъ свои . Итларь со дружиною своею . в недѣлю сыропустную . въ . а . ча^с . днѣ^и¹².

Этот фрагмент летописи содержит чрезвычайно много информации о Ратиборе, показывая его значение и влияние при дворе Владимира Мономаха в Переяславле. Из него следует, что в это время Ратибор был воеводой и ближайшим советником опытного переяславского князя, к которому он перешел вместе со своей дружиной после смерти сначала Изяслава Ярославича, а затем и Всеволода Ярославича. Суть приведенного выше летописного фрагмента большинство исследователей понимают так: на совете у переяславского князя Владимира Мономаха, созванном в связи с приходом под Переяславль половцев по выкуп «за мир», мнения членов совета разделились. Сам князь (и, возможно, меньшая часть его дружины) не желал вступать в противоборство с половцами и не хотел убивать послов. Главным аргументом князя летописец называет нежелание нарушать клятву. Другая же (очевидно, большая) часть членов княжеского совета, которую летописец называет «дружина Ратибора», выступала за уничтожение половецких ханов Итларя и Китана, пришедших к Владимиру в Переяславль для заключения мира. Таким образом, боярин Ратибор, во дворе у которого «на сенцах» и ночевали половецкие послы, вопреки воле князя смог убедить его и настоять на своем предложении о необходимости нарушить клятву и уничтожить послов. Характерно, что исполнить приговор над половецкими послами вызвался его старший сын Ольбег Ратиборич, расстрелявший из лука половцев,

¹² Ibidem, стб. 217–219.

мирно завтракавших в теплой избе у Ратибора. Как саркастически заметил М.С. Грушевский:

*Дружина Мономаха задумала їх порізати; Мономах з початку противив ся, – бо він їм присягнув, але потім згодив ся. Він закликав їх до себе, там їх замкнули в покою і постріляли з даху безборонних, як щурів*¹³.

Поэтому следует согласиться с мнением В.В. Мавродина, утверждавшего:

*Решающую роль играет крупное боярство, имеющее собственные дружины. Так, например, в летописи упоминается о Ратиборовой чади, состоявшей из вооруженных слуг и мелких вассалов знатного и богатого боярина Ратибора, с которой приходилось совещаться Мономаху*¹⁴.

30 августа 1100 г., собравшись на съезд в Уветичах, старшие князья лишили нарушителя спокойствия на Руси Давыда Игоревича его части в Русьской земле. По их поручению об этом ему должны были сообщить их послы (представители). Послом от переславского князя Владимира Мономаха Ипатьевская летопись называет Ратибора:

*и сдумавше послаша . къ Дѣдѣви мужи свои . Стѣполкъ Путаму Володимерь Ратибора . Дѣдѣ Сѣлгѣ . Торчина*¹⁵.

Во время киевского великого княжения Владимира Мономаха (после 20 апреля 1114 г.) была создана так называемая «Пространная правда» – свод древнерусского законодательства, вторая кодификация писанного права Руси, в состав которой входили разные по времени и происхождению законы. В ее принятии активное участие принимал и Ратибор, названный в списке бояр на первом месте (как киевский тысяцкий)¹⁶. Статья 53 этого документа гласит:

Уставъ Володимѣрь Всеволодича. А се уставилъ Володимѣрь Всеволодичъ по Святополцѣ, созва дружину свою на

¹³ М.С. Грушевський, *Історія України – Руси*, т. 2, Київ 1992, с. 86.

¹⁴ В.В. Мавродин, *Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века)*, Санкт-Петербург 2002, с. 191.

¹⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 249.

¹⁶ U. Halbach, op. cit., с. 162.

*Берестовѣмь: Ратибора Киевського тысячьского, Прокопью Бѣлогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили до третьяго рѣза, оже емлетъ въ треть куны; аже кто возметъ два рѣза, то то ему взяти исто; паки ли возметъ три рѣзы, то иста ему не взяти*¹⁷.

Из приведенных выше летописных и житийных фрагментов, по нашему мнению, можно попытаться сложить близкий к реальности образ этой незаурядной в истории Руси личности. Кроме этого, существует возможность расширить круг источников за счет сфрагистических и археологических материалов, сопоставив их с уже имеющимися письменными источниками.

Еще В.Л. Янин обратил внимание на соответствие летописных источников сфрагистическим данным. Оказалось, что хронологическая последовательность разных типов печатей Ратибора в связи с топографией их находок отвечает хронологии и географии его служебной карьеры. По мнению В.Л. Янина, последовательность этой карьеры по источникам выглядит так: служба (боярин) у Изяслава Ярославича (Киев, до 1078 г.), посадник Всеволода Ярославича в Тмутаракани (1079–1081 гг.), боярин Всеволода Ярославича (Киев, до 1093 г.), воевода Владимира Мономаха (Переяслав, 1093–1113 гг.), киевский тысяцкий при княжении Владимира Мономаха (с 1113 г.).

Таким образом, древнейший (по В.Л. Янину) вариант печати Ратибора (№ 67) датируется 1079–1081 гг., поскольку оба его экземпляра происходят с берегов Таманского полуострова. Следующий по хронологии вариант (№ 68) найден в Киеве – значит он датируется киевским периодом карьеры Ратибора при дворе Всеволода Ярославича. Вариант № 69 связывается с переяславским периодом при дворе Владимира Мономаха, поскольку одна из двух известных печатей этого типа обнаружена на Переяславщине. Печать варианта № 70 найдена в Киеве и соответствует последнему, киевскому

¹⁷ *Правда Русская*, ред. Б.Д. Греков, Москва–Ленинград 1940, т. 1, с. 53.

периоду деятельности Ратибора, как и печать № 71, приобретенная Софийским музеем (Болгария) в Стамбуле¹⁸.

В пользу предложенной В.Л. Яниным схемы свидетельствует прослеженная им последовательность смены матриц печатей, подтвержденная исправлением первичного неправильного написания имени КЛИМЕНТ, которое сначала (на первых матрицах) копировало такое же ошибочное написание имени святого Климента на алтарной мозаике Софии Киевской (О КЛНМНСО), среди изображений святителей, отцов церкви и первомучеников, под знаменитой Евхаристией. Также В.Л. Янин отметил, что размер кружков двух древнейших типов печати (№№ 67 и 68) меньше, чем у трех более поздних типов: соответственно 22–24 миллиметра и 25–28 миллиметров. Кроме того, древнейший вариант № 67 содержит литеру О в начале легенды печати: «ОТЪ РАТНБОРА». Все другие варианты начинаются с литеры Ѡ (омега), что также подтверждает последовательность смены матриц¹⁹.

Приведенные выше наблюдения В.Л. Янина на первый взгляд логично свидетельствуют о том, что Ратибор получил право употребления собственной печати как тмутараканский посадник Всеволода Ярославича в 1079 г. Необходимость поддерживать переписку с великим киевским князем на большом расстоянии, в условиях противостояния с князьями-изгоями, – могла стать причиной предоставления Всеволодом Ярославичем Ратибору права собственной печати, хоть и ограниченного только сферой переписки.

Ошибочна, по нашему мнению, точка зрения некоторых современных исследователей, принижающих статус Ратибора и его деятельность в Тмутаракани. Например, А.Н. Слядзь пишет:

без явных возражений местных жителей посадником в Тмутаракань был назначен некто Ратибор. Коль скоро наместником в Приазовье стала персона, не принадлежавшая к правившей княжеской династии, Тмутаракань оказалась фактически лишена княжеского статуса. Пребывание Ратибора на Тамани

¹⁸ В.Л. Янин, *Актовые печати...*, с. 63.

¹⁹ Ibidem, с. 62.

не оставило никаких следов, за исключением найденного в Прикубанье билингвального (греко-русского) моливдовула с надписью «от Ратибора», что свидетельствует о рассылке киевским посадником грамот, в том числе в Византию»²⁰.

Несмотря на в целом правильные рассуждения В.Л. Янина, напрашивается несколько вопросов: почему мастер, который вроде бы изготовил в Тмутаракани древнейшую матрицу, просто слепо скопировал ошибочную надпись Софии Киевской, ведь в полугреческой Тмутаракани было достаточно людей, знавших правильное написание имени Климент? Почему в Тмутаракани мастер (по наблюдениям В.Л. Янина – явный русин) выгравировал на матрице слова «ОТЬ РАТНБОРА» (на русьский манер), а следующий мастер, на следующей матрице – изготовленной вроде бы уже в Киеве – «СОТ РАТНБОРА» (на греческий манер)?

Возможно это объясняется тем, что право на собственную печать Ратибор мог получить не от Всеволода Ярославича, а еще от своего предидущего патрона – Изяслава Ярославича, о службе Ратибора которому почему-то стыдливо умалчивают летописи, но ярко описывает «Житие Феодосия Печерского». В.Л. Янин выпустил из поля зрения еще и этот первый киевский этап служебной карьеры этого боярина. С его учетом предложенная В.Л. Яниным последовательность матриц соответствует их надписям, ведь резчик древнейшей матрицы (киевлянин) действительно просто скопировал надпись «О КЛНМНСО» в Софии Киевской, заодно выгравировав «ОТЬ РАТНБОРА» на другой стороне. Следующая же матрица, изготовленная в Тмутаракани, уже имела надпись «СОТ РАТНБОРА».

Какие причины могли заставить Изяслава Ярославича дать такую привилегию боярину Ратибору? К сожалению, летописи ничего не сообщают о жизненном пути последнего вплоть до 1079 г. Только из цитированного выше фрагмента «Жития Феодосия Печерского» можно сделать вывод, что при князе Изяславе Ярославиче

²⁰ А.Н. Слядзь, *Военно-политические проблемы отношений Византии и Руси XI – начала XII веков*: дисс. канд. ист. наук: спец., «Всеобщая история», Санкт-Петербург 2016, с. 156–157.

Ратибор-Климент уже был богатым и влиятельным человеком в Киеве. Но датировать первое упоминание Ратибора-Климента в «Житии» следует не «до 1078 г.» (по В.Л. Янину), а – не позже конца апреля 1074 г., поскольку 30 апреля 1074 г. Феодосий Печерский, с которым постоянно общался Климент, о чем и сообщается в «Житии», тяжело заболел и в скором времени умер. Таким образом, Ратибор минимум 4 года служил Изяславу Ярославичу на далеко не нижних ступенях боярской карьеры.

Возможно, наличие у Ратибора собственной печати объясняется какими-то родственными связями с правящим великокняжеским родом. Ведь из источников известно, например, о родственных связях новгородского боярина Остромира с тем же Изяславом Ярославичем. Об этом свидетельствует выходная запись писца дьякона Григория о написании им Евангелия по заказу новгородского посадника Остромира-Иосифа. В этом достаточно большом по объему тексте прямо указано на их близкое родство²¹.

По нашему мнению, Ратибор-Климент, как и Остромир-Иосиф, мог иметь определенные родственные связи как с Изяславом Ярославичем, так и, соответственно, с его младшим братом Всеволодом Ярославичем. Предоставление ему права иметь собственную печать может объясняться именно этим.

Однако, возможна и другая версия появления феномена Ратибора. В этом плане некоторую информацию может дать его имя. Ведь как справедливо считают А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский,

Наречение именем было одной из важнейших составляющих культа рода, оно поддерживало его непрерывность. Чтобы войти в мир рода, ребенок должен был получить имя, связывающее его с предками, родовое имя²².

Попытки поиска антропонимической традиции, для которой имя Ратибор не было бы чем-то уникальным и неповторимым, как это наблюдается в древнерусском антропонимиконе, неминуемо

²¹ Л.В. Столярова, *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв.*, Москва 2000, с. 13–14.

²² А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва 2006, с. 11.

приводят нас на славянские земли польско-германского пограничья. Оставим в стороне древний город-крепость *Ратибор* (Ра-цибор, Рацибуж, пол. Racibórz) в юго-западной Польше, происхождение названия которого неясно²³. На территории современной Германии расположен не менее древний город-крепость *Ратибор* (Ратцебург, нем. Ratzeburg), названный в честь его основателя – князя полабских славян племенного союза бодричей Ратибора. В хронике Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви» ее автор упомянул об этом князе:

LXXI (69). Во времена его [епископства] за Эльбой и по всему королевству был прочный мир. Князья склавов Ана-трог, Гнев и Ратибор с мирными намерениями явились в Гамбург [и] стали нести военную службу герцогу и предстоятелю. Герцог и епископ в то время и ранее различными способами налаживали отношения с винулами, причем герцог заботился о [взимании] дани, а архиепископ о приращении христианства. Поэтому мне кажется, что христианская вера уже давно [должна была бы] стараниями священнослужителей утвердиться там [в Склавании], если бы обращению народа [склавов] не мешала алчность государей²⁴.

Еще один фрагмент сочинения Адама Бременского посвящен гибели князя Ратибора:

Итак, король Магнус за [свои] справедливость и храбрость был любезен данам, склавам же, которые после смерти Кнута тревожили Данию, – ужасен. Даны убили вождя склавов Ратибора. {Этот Ратибор был христианином, он обладал большой властью у варваров. Было же у него VIII сыновей – [все] князья склавов. Все они были истреблены данами, когда пытались отомстить за отца.} Винулы немедленно явились со {всеми} войском, чтобы отомстить за его смерть, [и] опустошили [Данию] вплоть до Риббе. Король Магнус

²³ *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, т. IX, Warszawa 1888, с. 362–364.

²⁴ *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий*, Москва 2012, с. 367.

случайно возвратился тогда из Норманнии [и] пристал в Хедебю. В скором времени он собрал отовсюду полчища данов [и] встретил уходивших из Дании варваров на полях [у] Хедебю. Говорят, что там пали XV тысяч [человек]. И настали мир и веселье для христиан на все время [правления] Магнуса²⁵.

Из группы исторических личностей, носивших имя Ратибор в XI–XIII вв., ближайшими по времени к личности Ратибора переяславского, несомненно, были упомянутый выше князь бодричей Ратибор, погибший в битве в 1043 г., а также западнопоморский князь Ратибор, сын Святобора, женатый на Прибиславе, дочери князя Ярослава Святополчича. Эта княжна родилась в 1106 г., умерла после 1158 г., около 1136 г. была выдана замуж за западнопоморского князя Ратибора I (умер 7.05.1156 г.). По мнению Л.В. Войтовича, их сын Богуслав был князем на Славне²⁶.

Вместе с тем, «*Słownik staropolskich nazw osobowych*» (том 4) содержит значительное число упомянутых в польских источниках XII–XIII веков лиц не только княжеского, но все же привилегированного сословия, носивших имя Ратибор (Ratibor, Rasibor, Resibor)²⁷. Такая ситуация сильно контрастирует с территорией Руси, где в XIII веке известен лишь новгородский сотник, позднее ставший тысяцким, Ратибор Клуксович²⁸.

Возможно, все Ратиборы XII века с польских земель были родственниками или потомками первых двух князей. Это вынуждает искать место в этой когорте и для боярина Ратибора, носившего во второй половине XI – первой четверти XII веков княжеское и славянское (но не русское) имя. Получается, что он родился вскоре после смерти князя бодричей Ратибора и больше чем на полстолетия раньше Ратибора I. Когда переяславский боярин Ратибор, правая рука Владимира Мономаха, был уже пожилым

²⁵ Ibidem, с. 369.

²⁶ Л.В. Войтович, *Княжа доба на Русі: портрети еліти*, Біла Церква 2006, с. 359.

²⁷ *Słownik staropolskich nazw osobowych*, ред. W. Taszycki, т. IV (N–R), Wrocław 1974–1976, с. 411–413.

²⁸ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей, т. 3)*, ред. А.Н. Насонов, Москва–Ленинград 1950, с. 88–89.

человеком, но еще за несколько лет до последнего (киевского) этапа его боярской карьеры, то будущий западнопоморский князь Ратибор I был еще ребенком. В определенном смысле их можно считать современниками. Святобор же, отец князя Ратибора, умер в 1107 г., то есть, вероятно, был приблизительно одного возраста с Ратибором переяславским.

В недавно опубликованной монографии В. Нагирного, посвященной урядникам (боярству) Киевской земли второй половины XI – первой половины XIII веков, ее автор посвятил боярину Ратибору отдельный параграф. В нем он привел всю имеющуюся информацию о Ратиборе переяславском, включив сюда и весьма сомнительные сведения о «случайных» находках так называемых «монет Ратибора». В. Нагирный также сделал критический разбор публикаций разных авторов о Ратиборе²⁹. Так, он поставил под сомнение общепринятую ныне точку зрения о тождестве Ратибора-Климента русьских летописей и «Правды Русьской» с Климентом из «Жития Феодосия Печерского». По его мнению, последний на самом деле имел имя Здеслав Ггеуевич, упомянутое в Кассиановской второй редакции Киево-Печерского патерика, датирующей 1462 г., то есть отстоящей от описываемых событий больше чем на четыре столетия: «Ггеуевичъ Здеиславъ – сице бо бѣ прежде имя ему»³⁰. Затрудняясь объяснить внезапное появление славянского имени боярина Климента во второй Кассиановской редакции, В. Нагирный апеллирует к гипотезе И. Жиленко, что Кассиан мог узнать светское имя Климента из надписи на окладе иконы, которую боярин отдал в Лавру, что, по нашему мнению, слишком фантастично³¹.

Исследователями давно подмечено, что:

славянские и германские имена знати образовывались по весьма сходному принципу. Двусоставность таких имен была, по-видимому, исключительно распространенным

²⁹ V. Nagirnyy, op. cit., s. 97–106. Анализируя публикации авторов данной статьи, В. Нагирный ошибочно воспринял упоминание о Прибиславе, дочери Ярослава Святополковича, как о дочери Ярослава Владимировича (*sic!*) – с. 99.

³⁰ Ibidem, с. 247.

³¹ І.В. Жиленко, *Преподобний Феодосій Печерський. Джерела і матеріали*, Київ 2015, с. 614.

явлением. Концепты же, использовавшиеся для их образования, в обеих культурах были, судя по всему, также достаточно близки: 'слава', 'доблесть', 'могущество', 'битва', 'война', 'месть', 'мир', 'святость', 'победа', 'рост', 'жизнь' и т.п. Основы с подобной семантикой считались приемлемыми для имен воинов и правителей, они являли собой своеобразный «конструктор», из которого эти имена собирались и разбирались³².

Однако, несмотря на безусловно княжеский характер имени Ратибор, оно не получило распространения в среде русских князей:

Определенная часть подобного рода основ (таких, например, как – твори или – рати), вполне распространенных в других знатных славянских родах, у Рюриковичей оказалась неупотребительной³³.

Приведенные выше данные позволяют сделать предположение о происхождении Ратибора с территории северо-западной Польши. Очевидно, он, будучи сыном одного из восьми сыновей князя бодричей Ратибора, родился уже после его гибели и получил имя своего деда. После же скорой гибели и его отца и всех дядей, он еще в младенческом возрасте попал на территорию Руси, как это бывало в Средневековье с отдельными представителями высшей знати европейских стран и иногда отражалось в различных источниках. Можно сделать предположение, что Ратибор мог попасть на Русь после второго похода великого князя киевского Ярослава Владимировича на мазовшан – в 6555 (1047) г., когда, согласно с Ипатьевской летописью, Ярослав ходил походом на мазовшан, победил их, убил их князя Моислава (Меслава) и покори́л их Казимиру³⁴. В таком случае, Ратибор попал на Русь в возрасте около трех-четырёх лет.

Похожую мысль высказал в небольшой публикации А.А. Алферов, считающий, что война за датскую корону между Магнусом Добрым и Свеном Эстридсеном, в которой Ратибор был союзником

³² А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Выбор имени у русских князей...*, с. 44.

³³ Ibidem, стб. 55.

³⁴ *Ипатьевская летопись*, стб. 143.

последнего, не могла пройти на Руси незамеченной хотя бы потому, что Магнус в свое время был усыновлен Ярославом Мудрым. Названный автор замечает: не распорядилась ли Клио попасть одному из внуков князя Ратибора на Русь, учитывая что он должен был родиться как раз в годы гибели князя бодричей?³⁵

Как указывает А.Б. Головки, разгром мазовецкой дружины Меслава и возвращение Мазовии в состав польской территории были важными событиями в истории Польши XI в., что побуждало к возрождению территориального единства Древнепольского государства. Большую роль в этом сыграло русско-польское военно-политическое сотрудничество, открывшее широкие возможности для прекращения территориальных споров между славянскими странами, создало базу для нового этапа взаимоотношений, для которого была характерной тенденция к поддержке добрососедских отношений³⁶.

К сожалению, источники ничего не сообщают о детских годах Ратибора, как и о детских годах сыновей Ярослава Владимировича, вместе с которыми он, очевидно, воспитывался, что позволило ему в будущем занимать при дворах Изяслава и Всеволода Ярославичей (а позже – и Владимира Мономаха) высокие должности. Возможно, он был женат на одной из родственниц этих князей.

Археологическими исследованиями второй половины XX в., по нашему мнению, удалось локализовать место расположения двора боярина Ратибора, упомянутого в летописном рассказе об убиении половецких послов в Переяславле Русьском в феврале 1096 г. Место этого двора определяется остатками фундаментов небольшой церкви конца XI в. (ул. Успенская, 7), расположенной посредине между территориями княжеского и епископского дворов Переяславля Русьского³⁷. Эти фундаменты были обнаружены и исследо-

³⁵ О.А. Алфьоров, *Нові сфрагістичні дані про Тмутараканського посадника Ратибора (за матеріалами колекції О. Шереметьєва)*, «ПриРОНТийський маяля: деньги местного рынка», Тезисы докладов и сообщений II Международного Нумизматического Симпозиума (Севастополь, 14.09.–19.09.2012), Севастополь 2012, с. 11.

³⁶ О.Б. Головки, *Русь і Польща в міжнародному житті Європи (X – перша половина XIII ст.)*, Київ 2021, с. 154.

³⁷ О.В. Колибенко, О.В. Колибенко, *Двори середньовічного Переяслава (кінець X – середина XIII ст.)*, в: *Наукові записки з української історії*, ред. В.П. Коцур, вип. 18, Тернопіль 2006, с. 11.

ваны в 1952 г. археологом М.К. Каргером. Это была небольшая, бесстолпная, одноапсидная, почти квадратная в плане церковь. Такие храмы были характерны для княжеских и боярских вотчин второй половины XI – рубежа XI–XII вв.³⁸ Таким образом, после строительства Владимиром Мономахом церкви Богородицы на княжьем дворе (заложена в 1098 г.), Ратибор смог использовать освободившуюся строительную артель и построил на своем дворе небольшую церковь, которая, видимо, была посвящена его небесному патрону – св. Клименту.

Свой след в истории оставили также двое сыновей боярина Ратибора, известные по упоминаниям в летописях – Ольбег и Фома. Старшим из них, очевидно, был уже упоминавшийся ранее Ольбег, исполнитель приговора половецким послам в феврале 1096 г. Такие поручения давались, как правило, младшим дружинникам, то есть, отрокам. Эти события, по мнению Б.А. Рыбакова, получили свое поэтическое отражение в фольклоре, войдя в состав былин:

*Обо всем этом народ сложил былины, где в Тугарине Змеевиче легко узнать Тугоркана, а в Идолище Поганом – Итларя*³⁹.

Действительно, существующие параллели между текстами отдельных былин о богатыре Алеше Поповиче и фрагментами летописей наталкивают на мысль о том, что переяславский боярин Ольбег Ратиборич под именем Алеши Поповича навеки запечатлен в былинах⁴⁰. Другой сын Ратибора – Фома – также упоминается в летописи, но значительно позже. Под 1116 г. в ней сообщается:

*ходи Вячеславъ на Дунаи с Фомою Ратиборичемъ и пришедъ къ Дърьсту и не въспѣвшие ничто же воротишася*⁴¹.

Эта летописная статья повествует о неудачной попытке Владимира Мономаха разыграть «греческую карту» при помощи византийского цесаревича Леона, сына предидущего византийского императора Романа IV Диогена. Но уже в начале 1121 г. боярин

³⁸ М.К. Каргер, *Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1952–1953 рр.*, «Археологія» 1954, т. 9, с. 3–29.

³⁹ Б.А. Рыбаков, *Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.*, Москва 1982, с. 459.

⁴⁰ *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года*, 2-е изд., т. 2, Санкт-Петербург 1896.

⁴¹ *Ипатьевская летопись*, стб. 284.

Фома Ратиборич был посадником важного пограничного города Червен, защищал его от нападения князя Ярослава Святополковича, который привел с собой поляков:

*томъ же лѣтъ приходи Ярославъ с Ляхы къ Чрьвну при посадничи Фомъ Ратиборичи и воротишася опать не въспѣвшие ничто же*⁴².

Как видим, в последнее десятилетие своей жизни Владимир Мономах поручал Фоме Ратиборичу исполнять очень сложные военно-политические задания на границах своего государства – в зонах спорных интересов Руси с Византией и Польшей. Это очень напоминает жизненный путь его отца – боярина Ратибора, за много лет до этого выполнявшего такие же задания в далекой от Киева и Переяслава Тмутаракани⁴³.

Персоны Ратибора и его сыновей настолько часто обращали на себя внимание исследователей, что ими заинтересовались даже современные «творцы» новых артефактов. Об этом свидетельствует появление в последнем десятилетии такого интересного нумизматического явления как «монеты Ратибора», неожиданно для ученых вынырнувшие в частных коллекциях и публикациях отдельных нумизматов, коллекционеров и обслуживающих их историков. Речь идет о пока небольшой группе монет плохой сохранности абсолютно нового, неизвестного ранее типа. Все они биты разными штемпелями, имеющими одинаковую композицию, и изготовлены из биллона или низкопробного серебра. Некоторые экземпляры (по мнению нумизмата К.В. Бабаева) могли быть исполнены на тонкой медной пластинке и плакированы белым металлом для имитации под серебро. Этим обстоятельством названный автор объяснил ужасное качество таких монет. К.В. Бабаев и некоторые другие нумизматы считают их полноценными денежными знаками, созданными в Тмутаракани по образцу давно известных науке печатей Ратибора⁴⁴.

⁴² Ibidem, стб. 286.

⁴³ U. Halbach, op. cit., с. 103–104; V. Nagirnyy, op. cit., с. 159–162.

⁴⁴ К.В. Бабаев, *Монеты Тмутараканского княжества*, Москва 2009, с. 33–35.

По нашему мнению, аргументы К.В. Бабаева недостаточно убедительны. Выпуск монеты боярином от собственного имени являлся бы нарушением исключительных прав его сюзерена – на тот момент – великого киевского князя Всеволода Ярославича. Отметим также, что сам Всеволод эмиссии собственных денег не осуществлял. Как он мог позволить Ратибору делать это в Тмутаракани?

Сомнения вызывают и обстоятельства находок этих монет. Их «продвижение» в научную литературу, в основном, силами коллекционеров и приближенных к ним историков, не позволяет однозначно подтвердить их аутентичность. Пока такие монеты не будут обнаружены учеными во время археологических исследований, по нашему мнению, преждевременно утверждать об эмиссии посадником Ратибором монет с нормальной для его печатей, но совершенно неуместной на денежных знаках легендой «ОТ РАТИБОРА»⁴⁵.

Еще одним знатным боярином переяславского князя Владимира Мономаха был лишь единожды упомянутый в Лаврентьевской летописи боярин с уникальным именем Орогость (Оргость). Мы уже приводили ранее этот летописный фрагмент (в изложении Ипатьевской летописи), повествующий о представителях ведущих русьских князей на княжеском съезде в Уветичах, состоявшемся 30 августа 1100 г. Но в отличие от Ипатьевской летописи, представителем Владимира Мономаха, согласно Лаврентьевской летописи, был не только Ратибор, но и упомянутый на первом месте Оргость:

*и сдумавше послаша к Дѣду мужи своѣ . Стѣполкъ . Путлту . Володимеръ . СѢрогостл . и Ратибора . Дѣдъ . и СѢлегъ . Торчина*⁴⁶.

Судя по всему, эти два боярина были наиболее опытными и авторитетными лицами в ближайшем окружении тогдашнего переяславского князя Владимира Мономаха. Очевидно, их социальное и имущественное положение было приблизительно одинаково, то есть они входили в верхушку боярства Руси. Возможно, Оргость

⁴⁵ О. Колибенко, О. Колибенко, «Вислі» монети від боярина Ратибора, «Ruthenica» 2017, т. 14, с. 167–174.

⁴⁶ Лаврентьевская летопись, стб. 274.

был старше по возрасту от Ратибора и раньше начал свою службу непосредственно у Владимира Мономаха. Это могло случиться задолго до 1100 г., минимум – с черниговского периода княжеской карьеры Мономаха (октябрь 1078 – июль 1094 гг.), а, возможно, еще раньше, при его отце – Всеволоде Ярославиче (1076–1078 гг.). Последнее более вероятно, поскольку близкий к Оргостю по статусу Ратибор служил у Всеволода Ярославича с 1078 г. В начале 1114 г. Оргостя, видимо, уже не было в живых: киевским тысяцким Владимир Мономах поставил престарелого Ратибора, а переяславским тысяцким – Станислава Тудковича Доброго. Теоретически это также может указывать на солидный возраст Оргостя уже в 1100 г.

В этой связи привлекает внимание название одного из летописных городов Черниговской земли – Оргощ, которое удивительным образом явно происходит от единожды упомянутого в летописи боярского имени Оргость (Орогость). Этот «город» упоминается в летописи значительно позже 1100 г. – под 1159 г., как опустевший город. Контекст его упоминания очень интересен и дает много информации. Во время переговоров князей Святослава Ольговича с Изяславом Давыдовичем первый пытался отговорить второго от авантюрного похода на Галич. Когда же тот «съ æростью ѿвѣща ему» отказом и угрозами, то летопись передает обращение (прямую речь) Святослава Ольговича к богу:

Гѣ вижъ мое смирение . колико на ся поступахъ . не хотѣ крови пролити . хрстьѣньски и ѿѣины своеѣ погубити . взати Черниговъ съ сѣю городъ пустыхъ Моровиескъ . Любескъ . СѢргощъ . Всеволожь . а въ нѣхъ съдѣть псареве же и Половци⁴⁷.

То есть, Святослав Ольгович сказал: «Господи! Посмотри на мое смирение! Сколько я уступал, не желая крови пролить христианской и отчины своей погубить, чтобы взять Чернигов с семью городами пустыми, Моровийск, Любеч, Оргощ, Всеволожь, – ведь в них сидят псари только да половцы!».

⁴⁷ Ibidem, стб. 500.

Лингвисты давно пытаются объяснить происхождение этого летописного топонима. Так, по мнению А.П. Корепановой, название «Оргощ» является посесивом на *-j(ь) от древнерусского личного имени **Оргость*, двухэлементного ойконима, сложенного из праславянского **or-*, что и в **orati*, и **gost-*, что и в украинском слове *гiсть*⁴⁸. Об этом же названии В.П. Нерознак писал:

*Топоним с частотной на восточнославянской территории топоосновой -гощ-, -гость. [...] Первая часть топонима неясна*⁴⁹.

В.Л. Васильев, осуществив этимологическую и этноисторическую разработку топонимии с элементами *-гощ-/-гост-* на материалах Новгородской земли, пришел к такому выводу:

*Среди древнеславянских антропонимических сложений личные имена со вторым компонентом -гост- занимают особое место. Они являются одними из самых архаических и вместе с тем частотных имен в древнеславянском антропонимиконе. В отличие от многих других структурных антропонимических моделей, модель композитов с постпозитивным -гост- часто включает узкоместные, изолированные элементы славянского или даже неславянского происхождения. Такие сложения отсылают к эпохе индоевропейской древности: известно, что и.-евр. **ghostis* является имяобразующим в германской, греческой и кельтской языковых семьях. Как таковая основа -гост- относится к типовым, широко используемым в славянской ономастике*⁵⁰.

Древнерусский топоним Оргощ еще в середине XIX в. был уверенно локализован как городище возле с. Рогоща (Рогощи) Черниговского района Черниговской области⁵¹. Например, А.Ф. Шафонский писал:

⁴⁸ *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*, ред. О.С. Стрижак, Київ 1985, с. 96.

⁴⁹ В.П. Нерознак, *Названия древнерусских городов*, Москва 1983, с. 129.

⁵⁰ В.Л. Васильев, *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*, Великий Новгород 2005, с. 123–124.

⁵¹ Д.Я. Самоквасов, *Древние города России. Историко-юридическое исследование*, Санкт-Петербург 1873, с. 22.

Между знаменитыми урочищами, доказывающими в древности бывшие военные происшествия, во многих местах находятся разной величины насыпные могилы и курганы; сверх того в 10 местах находятся земляные городки, городищами называемые, а именно: [...] 6. В селе Рогоще; о сем городке в народе сохраняется словесное предание, что будто в нем какая-то княгиня Агата жила⁵².

Указанное древнерусское городище расположено на левом берегу р. Белоус на запад от села, с востока и юга ограничено оврагами. Городище имеет округлую форму диаметром 180–200 метров. Достаточно хорошо сохранился вал высотой до 8 метров. В 1949 г. на этом городище провел разведочные раскопки Д.И. Блитель, обнаруживший остатки жилых и хозяйственных сооружений, бытовой и хозяйственный инвентарь, древнерусскую гончарную посуду⁵³. Курганный некрополь Оргоща расположен неподалеку, возле с. Табаевка⁵⁴.

Таким образом, боярин Оргость имел свой собственный «город», названный его именем и расположенный в густонаселенном районе Черниговщины, недалеко от центра княжества. Это еще раз подтверждает высокий авторитет названного боярина в окружении сначала черниговского, а позже – переяславского князя Владимира Мономаха. Аналогичной точки зрения о высоком социальном статусе боярина Оргостя и принадлежности ему «города» в Черниговской земле придерживаются А.А. Гиппиус и С.М. Михеев, обнаружившие автограф этого боярина на северной стене дьяконника Софийского собора в Новгороде. Они указывают:

В работе [Стрижак 1985: 95–96] первая основа этого имени определяется как глагольная и связывается с *орати*. Более естественно, на наш взгляд, предполагать в ней существительное *орь* ‘конь, жеребец’ (ср. сходные имена **Тур(о)*)

⁵² А.Ф. Шафонский, *Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России*, Киев 1851, с. 234.

⁵³ М.П. Кучера, *Слов'яно-руські городища VIII-XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем*, Київ 1999, с. 217.

⁵⁴ О.П. Моця, *Південна «Руська земля»*, Київ 2007, с. 154.

гость [Васильев 2005: 154]) и др.-исл. *Úlfgestr* от *úlfr* ‘волк’ и *gestr* ‘гость’)⁵⁵.

Когда и при каких обстоятельствах боярин Владимира Мономаха Оргость побывал в Новгороде и оставил свой автограф на стене Софийского собора? Вероятно, это произошло около 1096 г., когда Оргость с княжеской дружиной мог сопровождать до Новгорода жену Владимира Мономаха Гиду Вессекскую, направлявшуюся на крестины своего первого внука.

Двух упоминаний в письменных источниках удостоился еще один переяславский боярин Владимира Мономаха Станислав. Первое из этих упоминаний находится в «Правде Русьской», в той самой 53-ей статье, в которой упомянут и Ратибор. Станислав здесь фигурирует как переяславский тысяцкий и один из активных участников создания новой редакции «Правды». Изучение родственных связей этого боярина позволило М. Б. Свердлову сделать аргументированный вывод, что боярин Иванко Чудинович был сыном Чудина, киевского боярина и княжого мужа Изяслава Ярославича. Кроме того, он был еще и двоюродным братом переяславского тысяцкого Станислава Тудковича Доброго. В Пространной Правде Иванко Чудинович назван княжим мужем Олега Святославича, из чего можно сделать вывод, что его отец Чудин остался в Киеве после изгнания Изяслава и служил Святославу Ярославичу в его великое княжение, а его сын Иван продолжал эту службу у Олега Святославича⁵⁶.

Поскольку двоюродные братья Станислав Тудкович и Иванко Чудинович в это время были ближайшими боярами двух соперничающих князей – также двоюродных братьев Владимира Мономаха и Олега Святославича, то, выходит, что они также, как и их князья-сюзерены, открыто враждовали, несмотря на близкое родство⁵⁷.

⁵⁵ А.А. Гишпиус, С.М. Михеев, *О подготовке Свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора*, в: *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики*, XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г., доклады российской делегации, Москва 2013, с. 159.

⁵⁶ *Правда Русская*, с. 424, ст. 53.

⁵⁷ В.О. Колибенко, *Боярство Переяславля Руського*, с. 33.

Еще один раз переяславский боярин Станислав упомянут в большой летописной статье 1135 г. как воевода Мономахова сына Ярополка Владимировича. Во время состоявшегося в верховьях реки Супой неудачного боя этот боярин, названный здесь своим полным именем – Станислав Тудкович Добрый – попал в плен к князьям Ольговичам и больше в источниках не упоминался. Возможно, он умер в плену от ран⁵⁸.

Получается, что боярин Станислав находился на службе сначала у Владимира Мономаха как переяславский тысяцкий в 1113 (1114) г., а после смерти последнего служил его сыну Ярополку вплоть до 1135 г., то есть больше двадцати лет состоял у них на службе. На самом деле к этому сроку надо прибавить еще минимум лет десять – время, необходимое для того, чтобы заслужить у Владимира Мономаха право на должность переяславского тысяцкого. Сыновья Станислава также известны по историческим источникам, но их деятельность была связана уже со следующим поколением князей.

Чрезвычайно интересен еще один переяславский боярин Владимира Мономаха, также известный нам как по летописным, так и по эпиграфическим источникам. Речь идет о боярине Дмитре Иворовиче, впервые упомянутом в его собственноручном граффити на стене Софийского собора в Киеве. Оно было процарапано им в центральном нефѣ собора, на втором от алтаря южном крещатом столбе, во время церемонии погребения великого князя киевского Всеволода-Андрея Ярославича, и точно датируется 14 апреля 1093 г. Оно содержит ценную историческую информацию, подтверждающую известия летописей о смерти князя. Автор граффити называет себя здесь уничижительно «отрочок Дмитр», что, видимо, указывает на его относительно молодой возраст и начальные ступени в его служебной карьере:

В великий четверг рака положена была... Андрея русьского князя благого, а Дмитр писал, отрочька его, месяца апреля в 14⁵⁹.

⁵⁸ *Ипатьевская летопись*, стб. 297–298.

⁵⁹ С.А. Высоцкий, *Древнерусские надписи Софии Киевской*, с. 21.

Но, возможно, названный боярин не остановился на начертании лишь одного граффити, и в трансепте (поперечном главном нефе) Софийского собора, на восточной плоскости второго от алтаря южного крещатого столба, через значительный промежуток времени (уже в XII в.), оставил свой автограф: «ДНМНТРЪ»⁶⁰.

После смерти своего князя Всеволода Ярославича Дмитр перешел служить к его старшему сыну Владимиру Мономаху. Об этом свидетельствует уже летописная статья 1109 г., в которой указано, что по поручению этого князя он ходил на Дон (конечно, имеется в виду река Северский Донец) и 2 декабря 1109 г. захватил там тысячу половецких веж:

*в то же лето мѣца декабря въ . вѣ . днѣ . Дмитръ Иворовичь . взѣ вежи Половецькие в Дона . ꙗко . въжь взѣ . послани Володимеромъ князомъ*⁶¹.

Благодаря имеющимся источникам мы можем проследить его служебную карьеру от молодого «отрочька» на службе у Всеволода Ярославича (1093 г.) до опытного и выдавшего виды воеводы, вместо своего князя поведшего переяславское войско в студеную пору на край Половецкого поля (река Северский Донец) на территории современной Луганщины и захватившего там огромный полон (1109 г.). Эти две ступени его карьеры разделяет менее двадцати лет.

Таким образом, анализ информации источников о ближайшем окружении переяславского князя Владимира Мономаха позволяет сделать следующие выводы.

На момент перехода Владимира Мономаха в Переяславль он уже имел высокопрофессиональную команду ближайших помощников, испытавших вместе с ним и радость побед, и горечь поражений. Первые наставники и советники Мономаха были значительно старше юного князя, но с годами в его окружение вливались новые люди. К середине 90-х гг. XI в. его ближайшее окружение (старшая дружина) состояло из трех основных категорий лиц: последних остававшихся в строю из числа назначенных еще Всеволодом

⁶⁰ Ibidem, с. 55.

⁶¹ *Ипатьевская летопись*, стб. 260.

Ярославичем; унаследованных после смерти отца; выращенных и обученных самим Мономахом в Чернигове и Переяславле и прошедших школу младшей дружины. Тесная и неразрывная связь этой небольшой группы с мобильным княжеским сословием была одной из причин разноэтничного и иногда неславянского происхождения отдельных ее представителей. Их антропонимикон, несмотря на внешнюю славянскую оболочку, подтверждает это.

Streszczenie

W momencie przeprowadzki księcia Włodzimierza Monomacha do Perejasławia miał już on w swoim otoczeniu profesjonalnych doradców, którzy wraz z nim przeżywali zarówno radość zwycięstw, jak i gorycz porażek. Pierwsi mentorzy i doradcy Monomacha byli znacznie starsi od młodego księcia, jednak z biegiem lat do jego świty dołączało coraz więcej osób. Tak więc w połowie lat 90. XI w. jego wewnętrzny krąg składał się z trzech głównych kategorii osób: mianowanych przez Wsiewołoda Jarosławowicza; odziedziczonych po śmierci ojca; wychowywanych i szkolonych przez Monomacha w Czernihowie i Perejasławiu, uczęszczających do młodszej szkoły drużyńskiej. Ścisły i nierozzerwalny związek tej zwartej grupy z mobilnym majątkiem książęcym był jedną z przyczyn wieloetnicznego i często niesłowiańskiego pochodzenia wielu jej przedstawicieli.

Summary

At the time of Prince Volodymyr Monomakh moving to Pereiaslavl, he already had a highly professional team of closest assistants, who experienced with him both the joy of victories and the bitterness of defeats. Monomakh's first mentors and advisers were much older than the young prince, but over the years more people joined his entourage. Thus, by the middle of the 1090s his inner circle consisted of three main categories of persons: appointed by Vsevolod Yaroslavych; inherited after the death of the father; raised and trained by Monomakh in Chernihiv and Pereiaslavl who attended the junior druzhyna

school. The close and inseparable connection of this compact group with the mobile princely estate was one of the reasons for the multi-ethnic and often non-Slavic origin of many of its representatives.

Słowa kluczowe: książę, Perejasław Ruski, Włodzimierz Monomach, družyna, bojar, Racibor, Orgost, antroponimikon

Keywords: prince, Pereiaslavl of Rus', Volodymyr Monomakh, družyna, boyar, Ratibor, Orgost', anthroponymicon

Bibliografia

Źródła

Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей, т. 2), ред. А.А. Шахматов, 2-е изд., Москва 2001

Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей, т. 1), ред. Е.Ф. Карский, 2-е изд., Москва 2001

Немецкие анналы и хроники X–XI столетий, Москва 2012

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей, т. 3), ред. А.Н. Насонов, Москва–Ленинград 1950

Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года, 2-е изд., т. 2, Санкт-Петербург 1896

Успенский сборник XII–XIII вв., Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон, Москва 1971

Literatura

Halbach U., *Der russische Fürstenhof vor dem 16 Jahrhundert. Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der Alten Rus'*, Stuttgart 1985

Nagirnyy V., *Urządnicy ziemi kijowskiej od drugiej połowy XI do pierwszej połowy XIII wieku. Studium prozopograficzne*, Kraków 2021

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. IX, Warszawa 1888

Słownik staropolskich nazw osobowych, red. W. Taszycki, t. IV (N–R), Wrocław 1974–1976

- Алфьоров О.А., *Нові сфрагістичні дані про Тмутараканського посадника Ратибора (за матеріалами колекції О. Шереметьєва), «ПриРОНТийський меняла: деньги местного рынка», Тезиси докладов и сообщений II Международного Нумизматического Симпозиума (Севастополь, 14.09.–19.09.2012), Севастополь 2012*
- Бабаев К.В., *Монеты Тмутараканского княжества*, Москва 2009
- Васильев В.Л., *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*, Великий Новгород 2005
- Войтович Л.В., *Княжа доба на Русі: портрети еліти*, Біла Церква 2006
- Высоцкий С.А., *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.*, вып. 1, Киев 1966
- Гиппиус А.А., Михеев С.М., *О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора*, в: *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики*, XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г., доклады российской делегации, Москва 2013, с. 152–179
- Головка О.Б., *Русь і Польща в міжнародному житті Європи (X–перша половина XIII ст.)*, Київ 2021
- Грушевський М.С., *Історія України – Руси*, т. 2, Київ 1992
- Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*, ред. О.С. Стрижак, Київ 1985
- Жиленко І.В., *Преподобний Феодосій Печерський. Джерела і матеріали*, Київ 2015
- Каргер М.К., *Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1952–1953 рр.*, «Археологія» 1954, т. 9, с. 3–29
- Колибенко В.О., *Боярство Переяслава Руського на службі у переяславських князів*, в: *Наукові записки з української історії*, ред. В.П. Коцур, вип. 43, Переяслав–Хмельницький 2018, с. 30–35
- Колибенко О., Колибенко О., *«Вислі» монети від боярина Ратибора*, «Ruthenica» 2017, т. 14, с. 167–174
- Колибенко О., Колибенко О., *Reperit – vitae – mortem: час та простір переяславського князя*, в: *Простір в історичних дослідженнях*, упоряд. С.М. Вовкодав, вип. 1, Переяслав 2020, с. 31–35
- Колибенко О.В., Колибенко О.В., *Двори середньовічного Переяслава (кінець X–середина XIII ст.)*, в: *Наукові записки з української історії*, ред. В.П. Коцур, вип. 18, Тернопіль 2006, с. 35–42
- Кучера М.П., *Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем*, Київ 1999

- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва 2006
- Мавродин В.В., *Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века)*, Санкт-Петербург 2002
- Моця О.П., *Південна «Руська земля»*, Київ 2007
- Нерознак В.П., *Названия древнерусских городов*, Москва 1983
- Правда Русская*, т. 1, ред. Б.Д. Греков, Москва–Ленинград 1940
- Рыбаков Б.А., *Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.*, Москва 1982
- Самоковасов Д.Я., *Древние города России. Историко-юридическое исследование*, Санкт-Петербург 1873
- Слядзь А.Н., *Военно-политические проблемы отношений Византии и Руси XI – начала XII веков*: дисс. канд. ист. наук: спец., «Всеобщая история», Санкт-Петербург 2016, с. 156–157
- Столярова Л.В., *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв.*, Москва 2000
- Толочко П.П., *Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст.*, Київ 2005
- Шафонский А.Ф., *Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России*, Киев 1851
- Янин В.Л., *Актовые печати Древней Руси*, т. 1, Москва 1970
- Янин В.Л., *О печатях Ратибора*, «Советская археология», № 2, Москва 1960, с. 270–275